

RU

Аксиологические стратегии репрезентации образа персонажа в современном американском художественном произведении Джеймса Паттерсона и Максина Паэтро “The 24th Hour”

Проконова Н. С.

Аннотация. Цель исследования – выявление аксиологических стратегий репрезентации образа персонажа в современном американском художественном произведении Джеймса Паттерсона и Максина Паэтро “The 24th Hour”. В статье описываются особенности авторского изображения персонажа посредством использования аксиологических стратегий, которые реализуются через различные языковые единицы на разных языковых уровнях, а также устанавливается их роль в формировании ценностно-поляризованной картины мира художественного текста. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем на материале американского детективного романа Джеймса Паттерсона и Максина Паэтро “The 24th Hour” выявлены и системно описаны пять взаимосвязанных аксиологических стратегий репрезентации персонажа; операционализировано понятие «аксиологический облик персонажа» применительно к анализу массовой литературы: он представлен как точка интеграции авторской интенции, оценочной речевой аргументации и ключевого смысла произведения; расширен инструментарий лингвоаксиологического анализа образа персонажа за счет комплексного учета контраста формального/неформального регистров и иллокутивной силы речевых актов угрозы/предупреждения. В результате исследования установлено, что совокупность аксиологических стратегий формирует бинарную аксиологическую структуру текста, последовательно утверждающую ценности справедливости, профессионализма и неотвратимости закона и одновременно делегитимизирующую любые проявления аморальности. В свою очередь, аксиологический облик персонажа вбирает в себя авторскую ценностную интенцию, оценочную речевую аргументацию и итоговый смысл произведения, что подтверждает эффективность предложенной методики анализа для интерпретации современной англоязычной прозы.

EN

Axiological strategies for character representation in James Patterson and Maxine Paetro’s contemporary American novel “The 24th Hour”

N. S. Prokopova

Abstract. The study aims to identify the axiological strategies for character representation in James Patterson and Maxine Paetro’s contemporary American novel “The 24th Hour”. The article describes the specifics of the authorial portrayal of characters through the use of axiological strategies implemented via various linguistic units at different language levels; it also establishes their role in shaping the value-polarized worldview of the literary text. The scientific originality of the study lies in the fact that, based on Patterson and Paetro’s American detective novel “The 24th Hour”, five interrelated axiological strategies for character representation are identified and systematically described. The concept of the “axiological image of a character” is operationalized in relation to the analysis of mass literature: it is presented as a point of integration for authorial intent, evaluative verbal argumentation, and the core meaning of the work. Furthermore, the toolkit for the linguo-axiological analysis of a character’s image is expanded by comprehensively accounting for the contrast between formal and informal registers, as well as the illocutionary force of speech acts involving threats or warnings. The research establishes that the aggregate of axiological strategies forms a binary axiological structure of the text, which consistently asserts the values of justice, professionalism, and the inevitability of the law, while simultaneously delegitimizing any manifestations of immorality. In turn, the character’s axiological image incorporates the author’s value intention, evaluative speech argumentation, and the work’s ultimate meaning, confirming the effectiveness of the proposed methodology for interpreting contemporary English-language prose.

Введение

Актуальность исследования обусловлена современными тенденциями в развитии лингвоаксиологических исследований, проявляющимися в сосредоточении научного интереса на вопросах выявления и систематического описания традиционных ценностных ориентиров современного общества. Получение полного представления о ценностной картине мира конкретных обществ является задачей первостепенной важности: это знание – ключ к пониманию культуры, национального характера исследуемого общества. В частности, многообразие лингвоаксиологических элементов формирует социальную ценностную парадигму США и оказывает влияние на ее языковое оформление. Социальная сущность ценностей предопределяет их значимость для каждого члена общества Северной Америки, создавая его принципы и приоритеты. Однако современное американское общество претерпевает изменения, что отражается в художественной литературе. Ценности не статичны, ввиду этого они избирательно воспроизводятся, отбрасываются или видоизменяются. Ввиду этого американская художественная литература становится полем для осмысления и конструирования ценностных ориентиров и смыслов. Такого рода исследование позволяет увидеть ценностно-смысловое содержание произведения, ценностные установки и трансформации, которые происходят в культуре США и находят свое непосредственное выражение в образе литературного персонажа. Описав системно ценностные ориентиры США, у нас появляется исходная система координат для оценки происходящих изменений. Данный подход позволяет не только увидеть эстетику американских произведений последних лет, но и проследить, как художественная литература наших дней формирует и отражает мировоззрение современного общества США. Актуальность исследования обусловлена также необходимостью изучения языковых механизмов формирования ценностной картины мира США в художественном тексте и роли персонажа как посредника авторской системы ценностей.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить статус персонажа художественного произведения как дискурсивной репрезентации художественного образа и носителя авторской системы ценностей;
- уточнить понятие «аксиологическая стратегия» применительно к анализу образа персонажа и раскрыть ее текстообразующий потенциал;
- выделить и классифицировать аксиологические стратегии в современном американском художественном произведении Джеймса Паттерсона и Максина Паэтро *“The 24th Hour”*.

Материалом для исследования послужило произведение Джеймса Паттерсона и Максина Паэтро *“The 24th Hour”*.

Теоретическая база исследования опирается на понимание художественного текста как формы индивидуально-авторской интерпретации реальности, направленной на эмоционально-эстетическое и духовное воздействие на читателя и одновременно выступающей высшей формой существования языка и культуры (Рябова, 2009; Белянин 2016; Глушкова, Киреева, Сурова, 2019). Художественный образ рассматривается в русле идей А. А. Потебни (2007) как внутренний, психический акт сознания автора и читателя, кристаллизующий целостное представление о фрагменте действительности, и дополняется положением С. В. Томберг (2019) о том, как образ персонажа раскрывается дискурсивно – через номинацию, описание, характеристику и сюжетные роли. Учитывается положение Ю. Н. Караулова (1987) о том, что подлинной языковой личностью в художественном тексте является автор, а персонаж представляет собой продукт вербализации художественного образа, служащий герменевтическим ключом к авторскому мировидению и системе ценностей. Исследование основывается на идее о том, что в образах персонажей материализуются объективные и субъективные нравственные идеи автора (Тотиева, 2015), а читатель интерпретирует содержательную информативность текста через ценностное восприятие образов (Кухаренко, 1979). Значимым является определение аксиологической стратегии, предложенное Н. М. Девятовой (2020), – как авторского выбора речевых средств изображения персонажа, детерминированного его ценностной системой. Учитывается положение В. Мэйянь (2023) о связи аксиологических стратегий со структурой микро- и макротекста и их роли в формировании аксиологического облика персонажа как точки слияния авторской интенции, оценочной речевой аргументации и итогового смысла произведения. Кроме того, принимается тезис И. И. Хрипуновой (2017) о лингвокультурной и ситуативной обусловленности аксиологических стратегий, которые рассматриваются как средства номинации оценки, зависящие от намерений адресанта, хронотопа повествования и характера взаимодействия субъектов речи.

Для проведения исследования аксиологических стратегий в репрезентации образа персонажа в современной американской литературе в данной статье применяются следующие методы: описательный метод с приемами наблюдения, сопоставления и систематизации языковых фактов; контекстуальный и интерпретативный анализ, направленный на выявление ценностного содержания языковых единиц в микро- и макроконтексте; элементы лингвоаксиологического и лингвопрагматического анализа, позволяющие рассматривать оценку как речевое действие в конкретной дискурсивной среде; приемы лексико-семантического и стилистического анализа для дифференциации речевых регистров и экспрессивных средств.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий, а также при чтении лекций и проведении практических занятий по теории языка в вузе.

Обсуждение и результаты

Художественный текст является формой отражения индивидуально-авторской интерпретации реальности (Белянин, 2016, с. 110), которая направлена на эмоционально-эстетическое и духовное воздействие читателя (Глушкова, Киреева, Сухова, 2019, с. 90) и при этом «одновременно является одной из форм существования культуры и высшим уровнем языка» (Рябова, 2009, с. 170-174). В такой авторской реальности существуют персонажи, которые выступают дискурсивной репрезентацией образа, т. к. их образ раскрывается в установленных «текстовых сегментах, посвященных их наименованию, описанию, характеристике, сюжетным ролям» (Томберг, 2019, с. 12). Соответственно, художественный текст выступает инструментом индивидуальной авторской интерпретации окружающей реальности, нацеленным на эмоциональное, эстетическое и духовное воздействие на читателя, при этом служит высшей формой существования языка и неотъемлемой частью культуры.

Внутри художественного текста персонаж существует не как самостоятельная языковая личность, а как дискурсивная репрезентация художественного образа. Художественный образ представляется как диалектическое единство субъективного и объективного начал. Согласно мнению А. А. Потебни (2007, с. 19), художественный образ – внутренний, психический акт сознания автора и читателя, который возникает на базе чувственного опыта и кристаллизует в себе целостное представление о фрагменте действительности. Это подчеркивает имманентную, когнитивную природу образа. С. В. Томберг (2019, с. 31-36) дополняет идею А. А. Потебни (2007) тем, что художественный образ обретает свою завершенность только в слове, становясь процессом и результатом сложного взаимодействия авторской интенции с историко-культурным контекстом и ресурсами поэтического языка. Исходя из этого, художественный образ зарождается в индивидуальном сознании автора как целостное чувственное обобщение, но в то же время актуализируется в процессе вербализации, будучи обусловленным исторической эпохой и эстетикой языковой формы. Это позволяет рассматривать художественный образ одновременно и как факт психологического творчества, и как феномен культурно-языковой реальности художественного текста.

В контексте вербализации художественного образа особое место занимает персонаж. По мнению Ю. Н. Караулова (1987, с. 202), изучение персонажа художественного произведения тождественно изучению языковой личности, т. к. настоящую языковую личность в художественном тексте представляет собой автор, а не его персонаж. Внутри художественной реальности образ персонажа не существует абстрактно, а раскрывается дискурсивно, посредством номинации, описания, характеристики, сюжетных ролей. Таким образом, персонаж художественного произведения является продуктом вербализации художественного образа, своеобразным «способом» выражения идеи и мысли писателя. Тем самым, образ персонажа становится интересным и уникальным герменевтическим ключом к авторскому мировоззрению, мироощущению, системе его ценностей. Посредством речевого поведения персонажа в художественном произведении на лексическом уровне мы видим поведенческие реакции, знания, накопленный опыт, личные и культурные ценности самого автора. Ввиду этого, система персонажей передает лингвокультурный потенциал всего художественного произведения.

Изучение образа персонажа неразрывно связано с аксиологическим подходом по той причине, что посредством образов персонажей осуществляются «закладываемые автором как объективно существующие, так и субъективные нравственные идеи» (Тотиева, 2015, с. 146), тем самым читатели интерпретируют содержательную информативность художественного текста через исследование ценностной категории образов (Кухаренко, 1979, с. 113). Читатели производят ценностную оценку образов персонажей, так как именно в персонажах материализуются ценностные установки самого автора – как объективные, так и субъективные нравственные идеи. Через оценку поступков, характеристик и мировоззрения персонажей читатель постигает заложенную в тексте систему ценностей. Следовательно, аксиологическое измерение выступает инструментом интерпретации художественного текста, связывая воедино авторский замысел, образную структуру и смысловое восприятие читателя.

Ценностное мировоззрение человека складывается под влиянием общественных аксиологических установок, которые пропускаются через фильтр личного опыта и индивидуальных устремлений. Как отмечает Ю. С. Старостина (2021, с. 205), индивидуальная лингвоаксиосфера – результат субъективной интерпретации ценностной парадигмы всего социума. Ввиду этого для выявления компонентов актуальной лингвоаксиосферы общества необходимо обратиться к исследованию индивидуальных лингвоаксиологических траекторий автора, которые представлены лингвистически в коммуникативном пространстве художественной литературы.

Выбор аксиологических стратегий напрямую связан с дискурсивной средой оценки, т. е. в тех случаях, когда сам автор «помещает» своего героя в определенную оценочную среду, например в систему оценочных предложений. В соответствии с мнением Н. М. Девятовой (2020, с. 48), аксиологическая стратегия – авторское изображение персонажа, состоящее в авторском выборе определенных речевых средств, находящихся в зависимости от естественного характера и ценностной системы персонажа. Расширенное определение термина «аксиологические стратегии» предлагают О. Н. Садовникова и Е. Ф. Серебrenникова, которые считают, что аксиологические стратегии – «оптимальный способ конструирования наиболее значимого для медиатора ценностного смысла, выводящий познание объекта на новый уровень интерпретации в координатах необходимого, желаемого, должного» (2023, с. 136). В нашей работе под аксиологической стратегией понимается аксиологическая стратегия как избираемый автором комплекс речевых средств, посредством которого персонаж вписывается в определенную систему ценностных координат для актуализации определенных ценностных концептов. С одной стороны, эта стратегия обусловлена внутренним миром героя и дискурсивной средой оценки, а с другой – нацелена на порождение нового, более глубокого смысла.

Более того, как заявляет В. Мэйянь (2023, с. 24), аксиологические стратегии находятся в непосредственной связи с организацией микротекста и макротекста как в структурном, так и в содержательном отношении. Исходя из этого, выбор аксиологических стратегий детерминирован, во-первых, той специфической дискурсивной средой оценки, в которую автор намеренно погружает своего персонажа (система оценочных суждений, контекстуальных маркеров и модальных рамок). Во-вторых, данный выбор опосредован характеристиками самого персонажа, а именно его ценностной картиной мира, которая предопределяет выбор автором конкретных речевых средств. Ввиду этого аксиологическая стратегия выступает не просто суммой оценочных высказываний, а сложным текстообразующим механизмом. Следовательно, анализ аксиологических стратегий позволяет рассматривать художественный текст как целостную ценностно-смысловую структуру, в которой способ оценивания персонажа становится ключом к пониманию архитектоники произведения и глубинных интенций автора.

Согласно И. И. Хрипуновой (2017, с. 59), аксиологические стратегии сводятся к номинации оценки, которая присуща определенной лингвокультуре и находится в зависимости от намерений адресанта, места и времени протекания, характера взаимодействия. Выявление авторских аксиологических стратегий при исследовании образа персонажа в художественном тексте включает в себя анализ всех речевых компонентов аксиологической системы персонажа, которые выражаются через языковые единицы, т. к. «авторская аксиологическая стратегия, оценочная речевая аргументация и ключевой смысл художественного произведения сливаются воедино в аксиологический облик персонажа» (Мэйянь, 2023, с. 26). Ввиду этого выявление авторских аксиологических стратегий при исследовании образа персонажа представляет собой комплексную процедуру, требующую изучения всех речевых компонентов, формирующих аксиологическую систему персонажа и выраженных посредством конкретных языковых единиц. Аксиологические стратегии следует рассматривать не как универсальные константы, а как лингвокультурно и ситуативно обусловленные средства номинации оценки. Они детерминированы как принадлежностью к определенной лингвокультурной традиции, так и конкретными параметрами коммуникативной ситуации, с намерениями автора, хронотопом повествования и характером взаимодействия субъектов речи.

Ключевым результатом анализа аксиологических стратегий репрезентации образа персонажа в современном американском художественном произведении становится реконструкция аксиологического облика персонажа, который выступает точкой слияния трех фундаментальных составляющих художественного текста с авторской ценностной интенцией (стратегиями), оценочной речевой аргументацией и итоговым смыслом произведения.

Именно такая методика применялась к анализу художественного произведения “The 24th Hour”, написанного Джеймсом Паттерсоном и Максин Паэтро. Сюжет этого произведения представляет собой историю о четырех женщинах, состоящих в «Женском клубе расследования убийств», которые ведут расследование о серийном убийце. В анализируемом художественном тексте репрезентируется пять групп аксиологических стратегий. Наиболее типичной является стратегия использования эксплицитной оценочной лексики (прямые аксиологические предикаты). Авторы и их персонажи применяют эмоционально окрашенные прилагательные, существительные и наречия для прямой маркировки «хорошо» и «плохо», что создает у читателя ценностное отношение к описываемым событиям. Рассмотрим примеры:

(1) “James Fricke III, well-known billionaire, middleweight philanthropist, and a narcissistic SOB. The man in his early sixties was now a deceased SOB” (Patterson, Paetro, 2024, p. 37). / «Джеймс Фрике III, известный миллиардер, влиятельный филантроп и самовлюбленный мерзавец. Этот человек, которому было чуть за шестьдесят, теперь уже умерший мерзавец» (здесь и далее перевод наш. – Н. П.).

Так, в примере (1) авторы используют оценочные предикаты с отрицательной семантикой для выражения своего отношения к персонажу: “*narcissistic SOB*”, “*deceased SOB*”. В американской лингвокультуре через данные атрибутивные группы передается негативное отношение автора (субъекта) к объекту оценки, что закреплено в лексикографических источниках. В американском толковом словаре Oxford Learner’s Dictionaries Online “*narcissistic*” подразумевает человека, слишком сильно восхищающегося собой, в особенности своей внешностью (“*admiring yourself too much, especially your appearance*” (OLDO, 2026)). Лексема “*SOB*” относится к табуированной лексике, раскрывая оскорбительное значение, обозначающее человека, которого вы считаете плохим или очень неприятным (“*an offensive word for a person that you think is bad or very unpleasant*” (OLDO, 2026)). В свою очередь определение “*deceased*” раскрывается как средство отрицательной оценки контекстуально, передавая значение усопшего (“*dead*” (OLDO, 2026)). В сочетании с табуированной единицей “*SOB*”, “*deceased*” не просто передает негативное отношение авторов к персонажу-преступнику, а создает эффект злорадства над его смертью, который еще более усиливается в контрасте с определением “*narcissistic*”.

Другой контекст негативной оценки показывает осуждение преступного действия через оценку полицейского:

(2) “As you saw from the photos, Ms. Hayes suffered a vicious attack” (Patterson, Paetro, 2024, p. 70). / «Как вы видели на фотографиях, г-жа Хейес подверглась жестокому нападению».

Атрибутив “*vicious*” в примере (2) эксплицитно передает негативную оценку нападения ввиду своего значения «жестокий и безжалостный» (“*violent and cruel*” (OLDO, 2026)).

В то же время для описания напарника персонажа-детектива используется ряд языковых единиц с положительной семантикой:

(3) “She was all that: good with a gun, as well as being upbeat, fearless, a sharp interviewer, and she can carry a tune. In short, Sonia Alvarez is a pleasure to work with” (Patterson, Paetro, 2024, p. 85). / «Она была всем этим: хорошо обращалась с оружием, была оптимистичной, бесстрашной, остроумной собеседницей и умела петь. Короче говоря, с Соней Альварес приятно работать».

В данном контексте (пример (3)) лексема “good” подразумевает что-то приятное или того, кто нравится (“pleasant; that you enjoy or want” (OLDO, 2026)). Языковая единица “upbeat” передает значение чего-то позитивного и полного энтузиазма (“positive and enthusiastic” (OLDO, 2026)). Лексема “fearless” подразумевает человека, который не боится, и это вызывает восхищение (“not afraid, in a way that people admire” (OLDO, 2026)). Языковая единица “sharp” отражает человека, который умен и быстро учится (“intelligent; quick to learn” (OLDO, 2026)). Лексема “pleasure” также относится к языковым единицам с положительной семантикой, передавая состояние, когда человек чувствует себя счастливым или удовлетворенным (“a state of feeling or being happy or satisfied” (OLDO, 2026)). Указанные лексемы с положительной семантикой помогают создать образ идеального напарника в данном художественном произведении.

Таким образом, через использование аксиологических предикатов, эмоционально окрашенных прилагательных и существительных авторы формируют однозначную ценностную систему координат читателя. Кроме того, эксплицитная оценка служит инструментом психологизации повествования: негативные маркеры внутреннего состояния персонажа, будучи включенными в контекст переживаний детектива, косвенно работают на утверждение его профессионализма и человечности, то есть на присвоение ему положительных качеств.

Следующей репрезентативной аксиологической стратегией выступает использование императивных конструкций как маркера власти и ценностей порядка. Прямые приказы, запреты и требования подчиниться – ключевой лингвопрагматический инструмент, утверждающий ценность закона в речи полицейских, судей и прокуроров.

(4) “Stay where you are. Show me your hands. <...> Turn around, close that locker, and put your hands on the door” (Patterson, Paetro, 2024, p. 15). / «Оставайся на месте. Покажи руки. <...> Повернись, закрой этот шкафчик и положи руки на дверцу».

В примере (4) сержант Линдси Боксер использует серию коротких императивов (“stay”, “show”, “turn around”, “close”, “put”). Такая семантическая цепочка выстраивает алгоритм установления тотального физического контроля над подозреваемым: обездвиживание, визуальный контроль, переориентация в пространстве, контроль над средой и финальная фиксация. Более того, каждое предложение завершено точкой, что передает нисходящую интонацию категоричного утверждения, не предполагающего возражений.

В другом примере, также прослеживается неотвратимость наказания как ценность:

(5) “Do it or I’m taking you in” (Patterson, Paetro, 2024, p. 110). / «Сделай это, или я тебя заберу».

Авторы используют здесь конструкцию “do it or...”, передающую императив, подкрепленный прямой угрозой ареста, что является стандартным способом выражения приказа, основывающегося на санкции. Императив здесь не изолирован, а встроен в бинарную структуру, где адресату не остается выбора: либо действие, либо репрессивная мера.

Таким образом, использование императивных конструкций отражает лингвопрагматический маркер власти и инструмента утверждения правовых ценностей. Короткие, не терпящие возражений приказы полицейских, ультимативные формулы с имплицитной или эксплицитной угрозой последовательно выстраивают в сознании читателя картину легитимного принуждения. Данная стратегия передает ключевые ценности неотвратимости наказания, безусловного подчинения судебной процедуре и ценность порядка как основы справедливости.

Еще одной аксиологической стратегией в анализируемом произведении является использование речевых актов угроз и предупреждений. Угрозы и предупреждения со стороны правоохранителей и преступников несут в себе аксиологическую нагрузку, т. к. они либо защищают справедливость, либо демонстрируют аморальность:

(6) “I’m going to put him in jail and throw away the key for all of eternity” (Patterson, Paetro, 2024, p. 19) / «Я посажу его в тюрьму и выброшу ключ навечно».

В примере (6) судья использует гиперболическую угрозу за ложь “throw away the key for all of eternity”. Понятие бесконечности (“for all of eternity”) устраняет саму идею прощения и освобождения, наказание становится абсолютным. Такое художественное преувеличение указывает на то, что масштаб гиперболы прямо пропорционален масштабу вины. В свою очередь использование конвенциональной метафоры “throw away the key” вместе с гиперболой создает символический акт, подчеркивающий завершенность приговора. Более того, судья использует разговорный, почти идиоматический оборот, а не юридическую формулировку («приговаривается к пожизненному лишению свободы»). Это отклонение от институционального дискурса служит для моральной оценки, а не просто процессуальной фиксации.

Еще один пример актуализирует судебный порядок, который понимается как обязательное соблюдение формализованных правил поведения, обеспечивающих авторитет суда:

(7) “Mr. Cates, this is where your presence in the courtroom ends – with one condition. You swear you will make no more comments unless you are on the stand and under oath” (Patterson, Paetro, 2024, p. 180). / «Мистер Кейтс, на этом ваше присутствие в зале суда заканчивается – с одним условием. Вы клянетесь, что больше не будете давать никаких комментариев, кроме как под присягой и на трибуне».

В данном примере (7) судья вводит запрет на внепроцессуальные комментарии (“You swear you will make no more comments unless you are on the stand and under oath”). Лексема “under oath” указывает на то, что высказываться в суде можно только под присягой (“a formal promise to do something or a formal statement that something is true” (OLDO, 2026)). Тем самым судья пресекает реплики, способные повлиять на присяжных, нарушить ход процесса или проявить неуважение.

Таким образом, использование речевых актов угрозы и предупреждения выступает лингвопрагматическим инструментом, жестко закрепляющим в сознании читателя неразрывную связь между нарушением

закона и неминуемым наказанием, а также формирующим образ судебной власти как абсолютного гаранта справедливости.

Следующей репрезентативной аксиологической стратегией является использование эмоционально окрашенной лексики для выражения субъективных оценок. Частицы, междометия, восклицания и табуированная лексика также служат для передачи ценностных эмоций персонажей:

(8) *"He spat, Jesus Christ, what is this? She set me up, goddamnit"* (Patterson, Paetro, 2024, p. 16). / «Он плюнул: *"Иисус Христос, что это такое? Она меня подставила, черт возьми"*».

В данном примере подсудимый использует богохульство *"Jesus Christ"* и ругательства *"goddamnit"* (*"an expression of anger"* (OLDO, 2026)), передавая эмоциональную избыточность, а именно злость и несостоятельность выразить свои эмоции при помощи нормативной лексики, тем самым указывая на свою нравственную незрелость:

(9) *"You can tell us, Cindy. It's off the record"* (Patterson, Paetro, 2024, p. 23). / «Расскажи нам, Синди. Это не для протокола».

В примере (9) героиня использует жаргонизм из журналистской практики *"off the record"* (*"if you tell someone something off the record, it is not yet official and you do not want them to repeat it publicly"* (OLDO, 2026)), подчеркивая ценность доверия, что информация не будет использована против Синди или предана огласке.

Таким образом, аксиологическая стратегия использования эмоционально-окрашенной лексики закрепляет поляризацию, где принадлежность к закону и определенному сообществу маркируется через профессиональную лексику, а отклонение от нормы – через экспрессивную, табуированную лексику, что углубляет противопоставление «свои – чужие» в ценностной структуре текста.

Последней выявленной аксиологической стратегией в анализируемом тексте является использование контраста формальной и неформальной речи для аксиологической дифференциации персонажей. Смена стилистических регистров (высокий – судебный, низкий – уличный) позволяет авторам расслоить персонажей по их ценностным ориентациям. В анализируемом художественном произведении персонаж-судья использует формальный юридический дискурс, подсудимый – грубую просторечную лексику:

(10) *"The defendant, Tyler Cates, interrupted loudly, 'Oh come on. This is crap'"* (Patterson, Paetro, 2024, p. 134). / «Подсудимый Тайлер Кейтс громко прервал его: *"Да ладно. Это полный бред"*».

Юридическая процедура требует уважения, а подсудимый использует междометие *"Oh come on"* и грубую оценку *"crap"* (*"very badly"* (OLDO, 2026)), что подчеркивает его аморальность.

В другом примере судья дает формальные инструкции, подсудимый огрызается:

(11) *"Judge St. John said, 'Mr. Cates. You've had time to reflect on your actions. Do you have anything to tell the court?' 'Like what?' <...> 'Do you take responsibility for your actions against Ms. Hayes?' 'I have nothing to say that I didn't already tell everyone in court and probably on national news. Were you listening?'"* (Patterson, Paetro, 2024, p. 221). / «Судья Сент-Джон сказал: «Мистер Кейтс. У вас было время обдумать свои действия. Вам есть что сказать суду?» "Что именно?" <...> "Вы берете на себя ответственность за свои действия против мисс Хейс?" "Мне нечего сказать такого, чего я бы уже не сказал всем в суде и, вероятно, в национальных новостях. Вы слушали?"

Центральным приемом в примере (11), создающим эффект неуважения, выступает резкое столкновение двух речевых регистров: формально-институционального (судья) и сниженного разговорно-фамильярного (подсудимый). Формальный вопрос судьи *"Do you have anything to tell the court?"* встречает циничный ответ подсудимого в виде вопроса *"Like what?"*, *"Were you listening?"*. Контраст между ритуализованной формальностью судьи и разговорными, эллиптическими, а затем и прямо обвинительными репликами подсудимого создает стилистический разрыв, что передает прямое неуважение к суду как институту и к судье как его представителю.

Таким образом, контраст речевых регистров (использование контраста формальной и неформальной речи) становится тонким, но действенным инструментом аксиологической поляризации, усиливая центральную оппозицию «закон – беззаконие» на уровне речевого поведения персонажей. Такой стилистический диссонанс обладает мощной аксиологической нагрузкой ввиду того, что он не просто описывает конфликт, а напрямую транслирует читателю несовместимость ценностных миров – мира правопорядка и мира его циничного отрицания.

Подводя итог, заметим, что проведенный анализ позволил выявить комплексную систему взаимосвязанных аксиологических стратегий, посредством которых авторы выстраивают в сознании читателя строго поляризованную ценностную картину мира, подчиненную центральной оппозиции «закон/беззаконие» («свои/чужие»). В совокупности выявленные аксиологические стратегии формируют бинарную аксиологическую структуру текста, в которой каждый языковой выбор авторов последовательно утверждает ценности справедливости, профессионализма и неотвратимости закона, одновременно делегитимизируя любое проявление аморальности и хаоса.

Заключение

Проведенный анализ аксиологических стратегий репрезентации образа персонажа в современном американском художественном произведении позволяет нам прийти к следующим выводам.

Художественный текст представляет собой не только форму индивидуально-авторской интерпретации реальности, но и сложно организованное ценностно-смысловое пространство, в котором образ персонажа

служит ключевым репрезентантом авторского мировидения. Персонаж, понимаемый как дискурсивная репрезентация художественного образа и продукт его вербализации, аккумулирует в себе как объективные, так и субъективные нравственные идеи автора, становясь тем самым герменевтическим ключом к реконструкции авторской системы ценностей.

Ключом для исследования образа персонажа становятся аксиологические стратегии, под которыми понимается совокупность речевых средств, избираемая автором для того, чтобы вписать персонажа в определенную систему ценностных координат и актуализировать конкретные ценностные концепты. Ввиду этого текстообразующий потенциал аксиологических стратегий заключается в определении выбора языковых средств для оценочной речевой аргументации и итогового идейного художественного замысла произведения.

Проведенный анализ романа "The 24th Hour" Джеймса Паттерсона и Максина Паэтро позволил выявить пять репрезентативных аксиологических стратегий, образующих взаимосвязанную систему и подчиненных единой цели – формированию в сознании читателя жестко поляризованной ценностной картины мира. Стратегия эксплицитной оценочной лексики задает однозначные моральные координаты и одновременно служит инструментом психологизации, косвенно утверждая положительные качества персонажей. Императивные конструкции функционируют как лингвопрагматический маркер власти, транслирующий ценности порядка, неотвратимости наказания и безусловного подчинения судебной процедуре. Речевые акты угрозы и предупреждения жестко закрепляют неразрывную связь между нарушением закона и неминуемым возмездием, формируя образ судебной власти как абсолютного гаранта справедливости. Эмоционально-окрашенная лексика, включающая противопоставление профессиональных жаргонизмов и табуированных экспрессивов, углубляет поляризацию «свои – чужие», маркируя принадлежность к миру закона или отпадение от него. Наконец, контраст формального и неформального речевых регистров создает острый стилистический диссонанс, который напрямую транслирует читателю несовместимость ценностных миров правопорядка и его циничного отрицания.

В совокупности выявленные стратегии формируют строгую бинарную аксиологическую структуру текста, в которой каждый языковой выбор авторов последовательно утверждает ценности справедливости, профессионализма и неотвратимости закона, одновременно порицая любое проявление аморальности и хаоса. Аксиологический облик персонажа, реконструируемый в точке пересечения данных стратегий, оказывается тем фокусом, в котором авторская ценностная интенция, оценочная речевая аргументация и итоговый смысл произведения обретают свое единство.

Перспектива дальнейшего исследования аксиологических стратегий связана с особенностями их реализации в разных жанрах художественной литературы: триллер, современный роман, фэнтези.

Материалы исследования | Research materials

1. OLDО – Oxford Learner's Dictionaries Online. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
2. Patterson J., Paetro M. The 24th Hour. Boston: Little, Brown and Company, 2024.

Источники | References

1. Белянин В. П. Психолингвистика. М.: Флинта, 2016.
2. Глушкова В. Г., Киреева Ю. Н., Сурова М. Н. Художественная и политическая речь как источник изучения современного русского языка: монография. Белгород: Политерра, 2019.
3. Девятова Н. М. Вводно-модальные слова и проблема их текстовой семантики. М., 2020.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
5. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л., 1979.
6. Мэйянь В. Аксиологический аспект художественной монологической речи: на материале романов В. В. Набокова «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Отчаяние»: дисс ... к. филол. н. СПб., 2023.
7. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007.
8. Рябова М. В. Проблема лингвокультурного анализа текстов оригинала и перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (3).
9. Садовникова О. Н., Е. Ф. Серебренникова. Способы реализации аксиологической стратегии дискурса Китайской мечты // Культура и текст. 2023. № 4 (55). <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2023-4-134-145>
10. Старостина Ю. С. Лингвоаксиосфера социума и личности в американском драматургическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-203-213>
11. Томберг О. В. Аксиологические характеристики художественных образов в англосаксонской поэтической лингвокультуре: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2019.
12. Тотиева А. Н. Аксиологический аспект изучения художественного произведения на уроке литературы // Евразийский Союз Ученых ЕСУ. 2015. Т. 4. № 16.
13. Хрипунова И. И. Сущность аксиологических стратегий: новые аспекты изучения языковой категории оценки в художественном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2.

Информация об авторах | Author information**Прокопова Наталья Сергеевна¹**¹ Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан**Natalia Sergeevna Prokopova¹**¹ Katanov Khakass State University, Abakan¹ konovod-nata@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 29.05.2026; опубликовано online (published online): 27.07.2026.

Ключевые слова (keywords): художественный текст; художественный образ; образ персонажа; аксиологические стратегии; лингвоаксиология; literary text; artistic image; character image; axiological strategies; linguo-axiology; художественный текст; художественный образ; образ персонажа; аксиологические стратегии; лингвоаксиология; literary text; artistic image; character image; axiological strategies; linguo-axiology.